

питал и одновременно приучая население к насилиям и готовя его к будущему перевороту и гражданской смуте.

Источники:

1. Архив Свердловского областного краеведческого музея.
2. Уральская жизнь. 1917. 26 мая. (Хроника).
3. Уральская жизнь. 1917. 2 ноября. (Хроника).
4. Уральская жизнь. 1917. 7 ноября. (Выпуск спирта).
5. Уральская жизнь. 1917. 8 ноября. (Выпуск спирта).
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Литература:

7. Марченя П. П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/noviie-istoricheskie-vestnik/rossiya-v-xx-v/pyanie-pogromi-i-borba-za-vlast-v-1917-g.html>
8. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала 1917–1922 гг. М., 2001.
9. Шапошников Г. Н. Развитие электросвязи и формирование информационной среды Урала. Середина XIX – начало 20-х гг. XX века. Екатеринбург, 2007.

УДК94(985).0841456113(985)

ББК 3450(211)+ТЗ(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

В.А. Кузьмин

Екатеринбург

**«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ» Л.Д. ТРОЦКОГО
(1917 – 1918)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, дипломатия, переговоры, Германия, внешняя политика, мирный договор.

АННОТАЦИЯ. На основе анализа воспоминаний участников описываемых в статье событий, трудов известных отечественных и зарубежных специалистов по истории дипломатии, решений правительства и партии большевиков освещаются первые шаги Советской власти в области внешней политики, которую проводил известный деятель революционного движения Л.Д. Троцкий с октября 1917 г. по март 1918 г.

V.A. Kuzmin

Yekaterinburg

**«REVOLUTIONARY DIPLOMACY» LD TROTSKY
(1917 - 1918)**

KEY WORDS: revolution, diplomacy, negotiations, Germany, foreign policy, the peace treaty.

ABSTRACT. On the basis of the memories of participants described in Article events, researches of famous domestic and foreign experts on the history of diplomacy, and the Bolshevik Party decision the author highlights the first steps of Soviet power in the field of foreign policy, which was held by well-known leader of the revolutionary movement L.D. Trotsky, from October 1917 to March 1918.

Л.Д. Троцкий официально занимал пост наркома РСФСР по иностранным делам с 26 октября (8 ноября) 1917 г. по 8 апреля 1918 г. Он был введен в состав первого советского правительства по настоянию Ленина, который предложил ему возглавить комиссариат внутренних дел, так как важнейшей задачей дня была борьба с контрреволюцией, что, по мнению Ленина, у Троцкого получилось бы лучше всех. «Я возражал, – писал впоследствии в автобиографической повести «Моя жизнь» Троцкий, – и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: «У нас великая международная революция, – какое значение могут иметь такие пустяки?» Отказавшись от руководства НКВД, Троцкий попросил направить его на руководство большевистской печатью. Однако этой просьбе решительно воспротивился Ленин. Также был против и Я.М. Свердлов. Как вспоминал Троцкий, «Свердлов заметил: Льва Давидовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела. – Какие у нас теперь будут иностранные дела? – возражал Ленин. Но, скрепя сердце, он согласился. Скрепя сердце, согласился и я. Так, по инициативе Свердлова, я оказался на четверть года во главе советской дипломатии».

Фактически, после назначения Троцкого, руководителем внешнеполитической деятельности советского правительства остался В.И. Ленин. Этому достаточно свидетельств. Да и Троцкий признавался, что рассматривал свое пребывание на посту наркома по иностранным

делам как временное, поскольку считал, что у социалистического государства не может быть внешних дел, так как должна подоспеть мировая пролетарская революция, которая упразднит все государственные границы. Если же этого не произойдет в самое ближайшее время, полагал он, то советская власть обречена, ибо она не продержится в обстановке враждебного капиталистического окружения.

Собственно делами вверенного ему наркомата по иностранным делам (НКВД) Троцкий почти не занимался, гораздо больше внимания уделяя работе в Петросовете и Военно-революционном комитете. «...Я этот Наркоминдел долгое время ни разу не посещал, – вспоминал он, – так как сидел в Смольном». НКВД РСФСР разместился на Дворцовой площади, в здании бывшего царского МИДа. Сам нарком и его секретариат находились в Смольном, в комнате номер 7. Одной комнаты вполне хватало. Троцкий считал, что мировому пролетариату дипломатия не нужна, трудящиеся разных стран поймут друг друга и без посредников. По словам историков, Лев Давидович вообще не мог понять, как это революционер может хотеть быть дипломатом.

Описание первого посещения Троцким прежнего министерства иностранных дел России оставил в своих мемуарах бывший юриконсульт МИДа Г.Н. Михайловский, сын известного русского писателя Н.Г. Гарина-Михайловского, ставший активным организатором саботажа государственными служащими распоряжений советского правительства, впоследствии примкнувший к белому движению. Как свидетельствует Г.Н. Михайловский, нарком иностранных дел «рабоче-крестьянского правительства» впервые пришел в МИД 10 ноября 1917 г. пешком, без охраны, снял пальто в общем, а не особом (министерском) гардеробе. Собрав сотрудников, он заявил им, что «новое правительство не собирается никого увольнять, и не намерено причинять никаких репрессий тем, кто пожелает уйти сам, но что он не может допустить «саботажа» при работе министерства». Любопытны приводимые Михайловским мотивы последовавшего отторжения – не столько нежелание мидовцев сотрудничать с узурпаторами власти, сколько «животно-этнографические» (по оценке мемуариста): «Еврейский вид Троцкого, напояженного и завитого, бледного, небольшого роста, скорее худощавого, чем полного, с тонкими ногами, вызвал трудно передаваемую реакцию в этом, бесспорно, самом аристократическом ведомстве Петрограда». Однако же, решительно отвергнув сотрудничество с новой властью, мидовцы сочли при этом вполне возможным попросить у Троцкого «охранные грамоты» (мандаты

за его подписью, освобождавшие их от обысков и арестов). «И вот, – рассказывает Михайловский, – Троцкий сел за стол и после столь оскорбительного для нового министра приема в своем ведомстве стал подписывать пропуска чиновникам, ставшим в очередь все вместе...»

В дни Октября большевики, в том числе Л.Д. Троцкий, были искренне убеждены, что их революция положит начало мировой революции. Они полагали, что в новом международном порядке не будет места для традиционной дипломатии. Как писал в своей книге Э.Х. Карр, после Октябрьской революции Троцкий заявил, выступая по случаю своего назначения на пост руководителя НКВД: «Я выпущу несколько революционных прокламаций к народам мира, а потом закрою эту лавочку». Другой автор, Е.А. Амбарцумов, цитирует в своей книге эти слова несколько иначе: «Какая у нас будет дипломатическая работа? Я выдвину несколько революционных лозунгов и закрою лавочку».

По-видимому, оба варианта вышеприведенных слов не являются их точным воспроизведением, но близки к оригиналу, верно отражают основной смысл тогдашних высказываний Троцкого и исходят к одному источнику – воспоминаниям. В частности, на вечере воспоминаний об Октябрьской революции, состоявшемся 7 ноября 1920 г., выступил работник НКВД Пестковский. Он рассказал о своей встрече с Троцким в ноябре 1917 г., когда пришел к нему проситься на работу в Наркоминдел. «Жаль Вас мне на эту работу, – сказал ему Троцкий. – Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку». В «Моей жизни» Троцкий подтвердил этот разговор, хотя и дал несколько иную редакцию своей последней фразе: «...Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку». Исследователь советской дипломатии этого периода Ф. Конт в своей книге тоже отмечает, что в течение нескольких месяцев, пока Троцкий был комиссаром по иностранным делам, он не позволял себе и думать о том, что можно или даже желательно установить мирные отношения с буржуазными правительствами. Он полагал, что его роль состоит в том, чтобы опубликовать ряд популярных сочинений, предназначенных «угнетенным» народам, а затем «прикрыть лавочку». Г. Киссинджер в своем фундаментальном труде «Дипломатия» тоже пишет, что «Лев Троцкий, первый советский министр иностранных дел, счи-

тал себя не столько служащим, сколько разоблачителем, призванным в целях дискредитации капиталистов сделать достоянием гласности различные секретные договоры, при помощи которых те намеревались разделить между собой военную добычу. Свою задачу он сводил к “выпуску нескольких революционных прокламаций к народам мира, чтобы затем закрыть лавочку”. А поскольку через несколько месяцев или лет государство, как ожидалось, должно было исчезнуть совершенно, основной задачей советской внешней политики на раннем этапе было скорее оказание помощи мировой революции, а не регулирование межгосударственных отношений».

Вспоминая о начале своей работы во главе НКВД, Троцкий позднее писал, что никаких дипломатических переговоров в то время в Наркоминделе не велось. Отчасти это объяснялось тем, что остальной мир не хотел признавать власть большевиков в России и не хотел иметь дело с наркомом Троцким. Вся дипломатическая работа происходила в Смольном без какого-либо участия аппарата Наркоминдела. «Только когда приехал тов. Чичерин и был назначен в состав Наркоминдела (в январе 1918 г. – *В. К.*), – отмечал Троцкий, – началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах». 1 декабря 1917 г. в наркомате по иностранным делам было всего тридцать сотрудников, к Новому году – 126, в январе 1918-го – двести. Были образованы два больших отдела: один занимался Востоком, другой – Западом.

Тем не менее, именно в период, когда Троцкий был наркомом по иностранным делам (или при его непосредственном участии), советским правительством были осуществлены такие важные внешнеполитические акции, как принятие 26 октября (8 ноября) 1917 г. Вторым всероссийским съездом советов знаменитого «Декрета о мире», подготовленного Лениным; принятие Совнаркомом 2 (15) ноября 1917 г. «Декларации прав народов России», написанной Лениным и включившей признание прав наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; публикация 20 ноября (3 декабря) 1917 г. обращения СНК, подписанного Лениным и Сталиным, «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», содержавшего отказ России от всех неравноправных договоров, заключенных прежними правительствами со странами Востока; признание 18 (31) декабря 1917 г. советским правительством независимости Финляндской Республики; принятие 21 января (3 февраля)

1918 г. декрета ВЦИК РСФСР об аннулировании всех иностранных займов, полученных царским и временным правительствами; и др.

Декрет о мире провозглашал: «Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом...» Сам Троцкий ненавидел тайную дипломатию, он считал важным открыть «обманутым» народам Европы, Америки и стран Востока содержание всех секретных договоров, подписанных прежними правительствами России с теми великими державами, которые стали ее союзниками во время «империалистической» войны. Троцкий хотел разоблачить все эти «махинации». Он утверждал, что отказ от секретной дипломатии является главным условием проведения честной, народной, подлинно демократической внешней политики.

По распоряжению Троцкого его сотрудник Н.Г. Маркин, исполнявший обязанности секретаря наркома, приступил к изданию секретных дипломатических документов. Первоначально их тексты публиковались в газетах (первая публикация появилась 9 (22) ноября 1917 г.), затем был издан «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел». Всего вышло семь отдельных книжек, в которых было обнародовано около 130 договоров и других секретных документов, в их числе тексты англо-русского договора 1907 г. о разделе Ирана и Афганистана, документы о деятельности в России послов США, Англии, Франции и др. Опубликованные документы получили широкую известность, произведя сильнейшее впечатление во всем мире.

В своей книге «Моя жизнь» Троцкий, вспоминая Н.Г. Маркина, пишет о нем с большой теплотой, симпатией и восхищением: «Маркин был матрос Балтийского флота, артиллерист и большевик. Он не сразу обнаружился. Высовываться вперед было совсем не в его характере. Маркин не был оратором, слово давалось ему с трудом. Кроме того, он был застенчив и угрюм – угрюмостью загнанной внутрь силы. Маркин был сделан из одного куска и притом настоящего материала... Когда на меня легло министерство иностранных дел, невозможно было, казалось, подступиться к делу. Начиная с товарищей министра (министр М.И. Терещенко был арестован и сидел в Петропавловской крепости. – В. К.), кончая переписчиками, все участвовали в саботаже. Шкафы были заперты. Ключей не было. Я обратился к Маркину, который знал секрет прямого действия. Два – три дипломата посидели сутки взаперти, и на другой день Маркин принес

ключи и пригласил меня в министерство. Но я был занят в Смольном общими задачами революции. Тогда Маркин стал на время негласным министром иностранных дел. Он сразу разобрался по-своему в механизме комиссариата, производил твердой рукой чистку родовитых и вороватых дипломатов, устраивал по-новому канцелярию, конфисковал в пользу беспризорных контрабанду, продолжавшую поступать в дипломатических вализах из-за границы, отбирал наиболее поучительные тайные документы и издавал их за своей ответственностью и со своими примечаниями отдельными брошюрами. Маркин не имел академического значка и даже писал не без ошибок. Его примечания поражали иногда неожиданностью мысли. Но в общем Маркин крепко забивал свои дипломатические гвозди и как раз там, где следовало. Барон Кюльман и граф Чернин с жадностью набрасывались в Брест-Литовске (где советская делегация начала переговоры о мире с Германией и ее союзниками. – В. К.) на желтые книжки Маркина».

Для того, чтобы сломить саботаж чиновников бывшего МИД, Троцкий применил по отношению к ним метод давления, уже испытанный Маркиным. 13 ноября 1917 г. он издал приказ, в котором за отказ подчиниться Совнаркому были уволены без права на пенсию 33 человека. Точно так же он решил и вопрос с послами России за рубежом. 26 ноября приказом Троцкого были «уволены со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности» 28 глав посольств России.

Здесь уместно привести слова Ленина о принципах подбора кадров для НКВД: «Этот аппарат исключительный в составе нашего государственного аппарата. В него мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составил из коммунистов». Как бы обобщая начальный опыт работы в Наркоминделе, Троцкий подготовил распоряжение «О саботаже чиновников» и от имени Военно-революционного комитета опубликовал его 26 ноября 1917 г. в «Газете Временного рабоче-крестьянского правительства». В нем, в частности, утверждалось: «Чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа».

Самым важным вопросом внешней политики России после прихода к власти правительства во главе с Лениным был вопрос о мире и выходе России из войны. В «Декрете о мире» всем воюющим странам предлагалось прекратить военные действия и немедленно приступить

к переговорам с целью заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. 17 ноября 1917 г. Троцкий известил дипломатических представителей союзных с Россией стран, что в соответствии с договоренностью с германским командованием военные действия на Восточном фронте приостановлены. Предварительные переговоры планировалось начать 19 ноября (2 декабря) в 5 часов дня. В случае согласия участвовать в переговорах союзники России должны были уведомить об этом советское правительство, однако правительства стран Антанты не ответили на советское предложение.

По указанию Троцкого 27 ноября (10 декабря) 1917 г. полномочные представители Советской России пересекли линию фронта. В их числе были рабочий Н. Обухов, крестьянин Р. Сташков, солдат Н. Беляков и матрос Ф. Олич, символизировавшие опору новой власти. Помимо них в делегацию вошли А. Иоффе (председатель), Л. Карахан (секретарь), Л. Каменев, Г. Сокольников. Партию левых эсеров, входивших тогда в правительственную коалицию с большевиками, представляла А. Биценко, совершившая в 1905 г. убийство военного министра России В. Сахарова. Дипломатов сопровождала группа военных консультантов. Позднее к делегации присоединился бывший председатель Моссовета М. Покровский.

В день прибытия советской делегации в ставку германского командования Восточным фронтом – Брест-Литовскую военную крепость, 2 (15) декабря 1917 г., был подписан договор о перемирии между Советской Россией и державами Четверного Союза (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Османской империей) сроком до 12 января при автоматическом его продлении, если не последует отказа одной из сторон. С прибытием в Брест-Литовск глав германской делегации Р. Кюльмана и австро-венгерской О. Чернина стороны договорились продолжить переговоры в крепости, но затем переехать в другой, не занятый немцами русский город, например Псков, где и подписать мир.

Переговоры проходили в непринужденной, внешне дружелюбной атмосфере. В свободное время их участники продолжали общение, вели непротокольные беседы, обменивались мнениями и суждениями по более широким вопросам. Споры и беседы носили особенно оживленный характер, когда их всех приглашал к себе на обед командующий германским Восточным фронтом принц Леопольд Баварский. «Никогда не забуду первого обеда с русскими, – вспоминал участник переговоров, начальник штаба германского Восточного

фронта генерал Гофман. – Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, нынешним комиссаром финансов (записки Гофмана были опубликованы в 1927 г. – *В. К.*). Против меня сидел рабочий, которого явно смущало большое количество столового серебра. Он пробовал то одну, то другую столовую принадлежность, но вилоккой пользовался исключительно для чистки зубов. Прямо напротив, рядом с принцем Гогенлоэ, сидела мадам Биценко, а рядом с нею – крестьянин, чисто русский феномен с длинными седыми кудрями и огромной дремучей бородой. Один раз вестовой не смог сдержать улыбку, когда спрошенный, какого вина ему угодно, красного или белого, он осведомился, которое крепче, и попросил крепчайшего». В ходе обеда Иоффе, Каменев и Сокольников открыто обменивались впечатлениями от общения с немецкой делегацией. По словам Гофмана, эта тройка поверяла ему свои планы мировой революции, что, даже на взгляд генерала, вряд ли было дипломатично с ее стороны. Однако глава российского НКВД Троцкий едва ли мог согласиться с этим мнением Гофмана. Как отмечает в своей книге Ф. Конт, во время мирных переговоров с Германией в Брест-Литовске Троцкий попытался «через голову» немецких представителей обратиться к германскому народу и подтолкнуть его к восстанию.

Троцкий совсем по-другому расставлял акценты, описывая в книге «Моя жизнь» начало мирных переговоров. Он писал: «Первую советскую делегацию, которую возглавлял Иоффе, в Брест-Литовске охаживали со всех сторон. Баварский принц Леопольд принимал их как своих «гостей». Обедали и ужинали все делегации вместе. Генерал Гофман должен был не без интереса глядеть на имя Биценко, которая некогда убила генерала Сахарова. Немцы рассаживались попережку с нашими и старались «дружески» выудить, что им было нужно. В состав первой делегации входили рабочий, крестьянин и солдат. Это были случайные фигуры, мало подготовленные к таким козням. Старика-крестьянина за обедом даже слегка подпавали».

В ходе рабочих заседаний на переговорах 14 и 15 (27 и 28) декабря 1917 г. германские представители огласили свой проект мирного договора. В нем содержались аннексионистские претензии к России. В дневниковой записи от 28 декабря Гофман отметил: «Иоффе казался ошеломленным... Покровский в слезах ярости воскликнул, что нельзя говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают восемнадцать губерний». Начатые на мажорной ноте переговоры были прерваны. 15 (28) декабря советская делегация отбыла в Петроград

для консультаций, взяв десятидневный перерыв, в том числе и для того, чтобы другие государства, которые все-таки пожелали бы присоединиться к ведущимся переговорам, смогли это сделать.

Единственным серьезным изменением в составе официальной советской делегации после перерыва было то, что к ней присоединился Троцкий, взявший на себя полномочия ее председателя. Лев Давидович возглавлял делегацию на втором этапе мирных переговоров с 9 января по 10 февраля 1918 г. Переговоры о мире с Германией и ее союзниками были, несомненно, вершиной его дипломатической деятельности на посту наркома по иностранным делам. В своих воспоминаниях он отметил, что «за вычетом брестских переговоров» дипломатическое ведомство отнимало у него «немного времени». Оценивая дипломатию Троцкого, его партнер на переговорах, австрийский дипломат граф О. Чернин впоследствии написал: «Троцкий, несомненно, интересный, умный человек и очень опасный противник».

Накануне поездки в Брест-Литовск Троцкий совместно с Лениным разработали дальнейший план действий. Главным его аспектом по-прежнему оставалось использование переговоров для развертывания пропаганды на Европу. Этим был обусловлен и главный тактический ход – как можно дольше затягивать переговоры. «Ленин предложил мне, после первого перерыва в переговорах, отправиться в Брест-Литовск, – вспоминал Троцкий. – Сама по себе перспектива переговоров с бароном Кюльманом и генералом Гофманом была мало привлекательна, но «чтобы затягивать переговоры, нужен затягиватель», как выразился Ленин. Мы кратко обменялись в Смольном мнениями относительно общей линии переговоров. Вопрос о том, будем ли подписывать (мирный договор. – *В. К.*) или нет, пока отодвинули: нельзя было знать, как пойдут переговоры, как отразятся в Европе, какая создастся обстановка. А мы не отказывались, разумеется, от надежд на быстрое революционное развитие».

Троцкий пунктуально проводил в жизнь эту установку. Причем начал уже по дороге в Брест-Литовск. Взятый им в качестве консультанта по национальному вопросу К. Радек на оккупированной Германией территории разбрасывал листовки. Как вспоминал Троцкий, «Гофман сейчас же после моего прибытия в Брест поднял протест против нашей пропаганды в немецких войсках».

По словам Гофмана, Троцкий после приезда в Брест-Литовск «заклучил советскую делегацию в монастырь». Сам Лев Давидович пишет об этом так: «В качестве председателя советской делегации я

решил резко оборвать фамиллярные отношения, незаметно сложившиеся в первый период... Фальшиво-дружественные отношения сменились сухо-официальными». Совместные обеды и неформальные беседы были прекращены. Изменился и состав участников переговоров. 28 декабря (9 января) председательствовавший на заседании представитель Германии Кюльман огласил право присутствовать на переговорах делегации Украинской Рады, или, как она тогда называлась по официальным документам, Украинской Народной Республики. В ответ на обращенный Кюльманом к председателю советской делегации вопрос Троцкий заявил: «Заслушав оглашенную Украинской делегацией ноту... Русская делегация, в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение, вплоть до полного отделения, заявляет, что со своей стороны не имеет никаких возражений против участия Украинской делегации в мирных переговорах». Как считает исследователь деятельности Троцкого историк Н.А. Васецкий, «этот благородный жест» стал одновременно и «первой крупнейшей ошибкой Троцкого» на переговорах в Брест-Литовске, «исправить которую оказалось невозможно».

5 (18) января 1918 г. на проходившем под председательством Кюльмана вечернем заседании Троцкий резюмировал состоявшиеся прения: «Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений бывшей Российской Империи территорию размером свыше 15000 квадратных верст... В пределах названных областей (польские, литовские, украинские, белорусские, латышские и эстонские территории. – В. К.) Германия и Австро-Венгрия сохраняют режим военной оккупации не только по заключении мира с Россией, но и по заключении всеобщего мира...» Зафиксировав этот факт, он предложил устроить очередной десятидневный перерыв, «дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира». Хотя предложение о перерыве принято не было, Троцкий в сопровождении Каменева уехал в Петроград.

В примечаниях к первой части, вышедшего в 1926 г., 17-го тома собрания сочинений Троцкого давалось следующее разъяснение причин принятого им решения. В частности, говорилось, что к данному моменту переговоры достигли той стадии, когда перерыв стал необходим. Все притязания немцев были оглашены, и оставалось выждать, какое это произведет впечатление на Западе и внутри России, где уже начинали выявляться разногласия по вопросу о мире с Гер-

манией как внутри партии большевиков, так и между большевиками и левыми эсерами. В Германии, Австро-Венгрии и Польше классовая борьба достигла к этому времени большого подъема, в котором немалую роль сыграли влияние революции в России и ход переговоров в Брест-Литовске. Были поэтому все основания полагать, что каждый день затяжки переговоров будет способствовать усилению революционного движения в Европе. Под воздействием этих процессов у Троцкого и созрел знаменитый план: объявить войну оконченной, но мир не подписывать.

Троцкий поспешил в Петроград и еще по одной причине. 5 января при поддержке руководства левых эсеров большевики выступили за роспуск Учредительного собрания. Этот факт, писал позднее Троцкий, «чрезвычайно ухудшил наше международное положение». До сих пор немцы опасались блокирования большевиков с патриотически настроенным Учредительным собранием, неминуемо означавшего для них продолжение войны. «Разгон же Учредительного собрания, – свидетельствовал Троцкий, – означал для немцев нашу очередную готовность к прекращению войны какой угодно ценой. Тон Кюльмана сразу стал наглее». Тем не менее, сам Лев Давидович оказался решительным сторонником разгона Учредительного собрания.

11 (24) января 1918 г. состоялось заседание ЦК РСДРП (б), на котором присутствовал и Троцкий. Среди рассмотренных вопросов главным был вопрос о мире. Ко времени проведения этого заседания в ЦК, в партии большевиков в целом определились три точки зрения: 1. Подписание сепаратного аннексионистского мира (Ленин); 2. Продолжение «революционной войны» («левые коммунисты» – Бухарин); 3. Объявление войны прекращенной, демобилизовать армию, но мира не подписывать (Троцкий).

Формально Троцкий не выступал в поддержку революционной войны. На этом заседании он в числе 11 «против» при 2 «за» и одном воздержавшемся отверг необходимость призывов к революционной войне. В своих воспоминаниях он писал: «Невозможность продолжения войны была очевидна. На этот счет у меня не было и тени разногласий с Лениным. Мы с одинаковым недоумением глядели на Бухарина и других апостолов «революционной войны». Но в речах и действиях Троцкого в январе–феврале 1918 г. было немало такого, что свидетельствовало о его сохраняющихся надеждах на скорую мировую революцию. В сделанном Троцким 10 (23) января докладе на III съезде советов о работе возглавляемой им делегации в Брест-

Литовске центральной была та же идея, что и в выступлении на П съезде советов – без помощи пролетариата Запада Советская Россия не выстоит. «...Если германский империализм попытается распять нас на колесе своей военной машины, то мы, как Остап к своему отцу (речь шла о повести Н. Гоголя «Тарас Бульба». – В. К.), обратимся к нашим старшим братьям на Западе с призывом: «Слышишь?» И международный пролетариат ответит – мы твердо верим в это: – «Слышу!»

В докладе проводился тезис о бесполезности борьбы за демократический мир, если не произойдет мировой революции. «Мы предсказывали, что подлинный демократический мир возможен лишь в том случае, если во всех странах вспыхнет социальная революция, если эта революция одержит окончательную победу; и теперь ясно, как день, что дать обязательство заключить только подлинно демократический мир означало бы дать обязательство в том, что социальная революция, о которой все здесь говорили, вспыхнет немедленно, и что она будет в самом широком смысле этого слова победоносной».

Этот тезис, считает Н.А. Васецкий, «шел вразрез с предложением Ленина о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Троцкий исходил из того, что сейчас только и начиналось «настоящее дело» – агитация за мировую революцию, без которой любое решение советского правительства останется нереализованным. «...Мы дали достаточную пищу для обострения классовой борьбы, для развития борьбы за мир в Западной Европе, и своими дальнейшими шагами мы будем стремиться к пробуждению западного пролетариата, к организации его сил, к обоснованию его политических стремлений, и параллельно с этим мы неуклонно будем проводить в жизнь две существеннейшие задачи момента: демобилизацию армии и продолжение мирных переговоров, в течение которых мы, во всяком случае, будем по-прежнему разоблачать все те предложения, которые противоречат основам демократического мира».

На заседании ЦК партии 11 (24) января Троцкий, пользуясь возникшей напряженностью из-за разногласий между сторонниками Ленина и «левыми коммунистами», поставил на голосование свою формулу: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». За нее было подано 9 голосов, против – 7. Итоги голосования фактически дали Троцкому своеобразный карт-бланш на продолжение своей политики на переговорах в Брест-Литовске. Он почувствовал себя «на коне», хотя при отъезде в Брест все-таки дал обещание

Ленину подписать мир, как только немцы поставят ультиматум. В книге «Моя жизнь» Троцкий, касаясь этой беседы с Лениным, цитирует его слова, сказанные по этому поводу на VII съезде РКП (б) в марте 1918 г.: «Между нами (т.е. между ним и мною) было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем».

По словам Троцкого, его «формула “ни война, ни мир” была объективно мостом к позиции Ленина», который тоже рассчитывал на победу революции в Германии, но считал наиболее актуальной задачей защиту победившей революции в России любыми средствами, вплоть до заключения сепаратного, аннексионистского мира с той же Германией. Как писал Троцкий, Ленин, разъясняя свою позицию, в частности, говорил ему: «Если бы мы должны были погибнуть для победы германской революции, мы были бы обязаны это сделать. Германская революция неизмеримо важнее нашей. Но когда она придет? Неизвестно. А сейчас нет ничего более важного на свете, чем наша революция. Ее надо обезопасить во что бы то ни стало».

17 (30) января 1918 г. переговоры в Брест-Литовске возобновились. Через некоторое время, 26 января (8 февраля), германская сторона втайне от советской делегации подписала сепаратный договор с фактически свергнутым уже к этому времени правительством Украинской Рады (советские войска заняли Киев именно 26 января, а правительство Рады бежало в Житомир). Вот где аукнулась та ошибка, о которой говорилось выше, когда Троцкий согласился на представительство делегации Рады на переговорах в Брест-Литовске. Договор с Радой давал Германии большие преимущества: устанавливая контроль над Украиной, она решала многие из вставших перед ней и ее союзниками проблем, в первую очередь продовольственную. В результате, по мнению военной партии Германии во главе с кайзером, брестские переговоры с Россией утрачивали для них экономическое содержание. Кайзер направил Кюльману распоряжение предъявить делегации России ультиматум, подтверждавший прежние условия держав Четверного союза: аннексия Польши, Литвы и Курляндии, оккупация прибалтийского побережья в Эстонии, Латвии и Моозундских островов. Кайзер потребовал предъявить ультиматум в течение 24 часов.

Знал ли об этом Троцкий? Трудно сказать наверняка. Н.А. Васецкий пишет, что, как считает ряд историков, «вероятно, Троцкий почувал, что пахнет ультиматумом. Ультиматум пришлось бы при-

нять, как было обещано Ленину, а от любимой исторической формулы отказаться». Троцкий заторопился. Ведь можно было упустить такую редкую возможность – испытать на практике свои теоретические доктрины. 28 января (10 февраля) 1918 г. в 17 часов 58 минут, как только Кюльман открыл заседание, Троцкий попросил слова и огласил следующее письменное заявление: «Именем Совета Народных Комиссаров Правительство Российской Советской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения Правительств и народов воюющих с нами Союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту... В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство... Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ».

Заявление произвело на всех присутствовавших эффект разорвавшейся бомбы. «Ничего подобного немцы не ждали, – вспоминал Иоффе. – Все молчали. Кюльман бормотал что-то маловразумительное. Искали выхода, но не находили. Наконец, предложили созвать пленум. От этого Российская делегация отказалась. Л.Д. Троцкий уехал с частью делегации». Таков итог участия Троцкого в Брест-Литовской мирной конференции.

Позднее он писал: «Из Бреста вся наша делегация вернулась... под тем впечатлением, что немцы наступать не будут. Ленин был очень доволен достигнутым результатом. – А не обманут ли они нас? – спрашивал он все же. Мы разводили руками. Как будто не похоже. – Ну, что ж, – сказал Ленин. – Если так, тем лучше: и аппарансы соблюдены, и из войны вышли». Когда 11 февраля 1918 г. на заседании Петроградского Совета его председатель Г.Е. Зиновьев огласил текст заявления советской делегации о прекращении войны, переданный

Троцким по телеграфу, то, согласно отчету о заседании Совета в «Правде», это произошло «под гром аплодисментов». На том же заседании была принята (при 1 «против» и 23 воздержавшихся) резолюция следующего содержания: «Петроградский Совет вполне одобряет заявление, сделанное русской мирной делегацией в Бресте 28 января (10 февраля) 1918 года».

У Троцкого впечатление достигнутой им «победы» в Бресте еще более усилилось с его прибытием в Петроград. 14 февраля он представил во ВЦИК отчет о работе руководимой им делегации. По предложению Свердлова единогласно была принята резолюция, начинавшаяся словами: «Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, ЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте».

Положительная оценка деятельности делегации была дана и на VII экстренном съезде РКП (б). После принятия резолюции Ленина «О войне и мире» Н.Н. Крестинский поднял вопрос об отношении к тактике делегации в Бресте. В результате резких споров 25 голосами «за» при 12 «против» прошла резолюция Зиновьева: «Съезд приветствует брестскую советскую делегацию за ее громадную работу в деле разоблачения германских империалистов, в деле вовлечения рабочих всех стран в борьбу против империалистических правительств». Резолюция фактически повторяла первую часть итоговой оценки работы делегации, данную Лениным в заключительном слове на съезде: «Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание (переговоров. – В. К.) была верна...» Но резолюция не отражала второй части ленинской оценки: «...Неверной она (тактика. – В. К.) стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучшего Брестского мира мы получить не могли».

Жизнь опровергла надежду Троцкого на то, что «немцы наступать не будут». 18 февраля 1918 г. самые худшие ленинские опасения подтвердились, германские войска начали наступление против слабых остатков российской армии на широком фронте от Прибалтики до Украины. Когда Ленин предложил на заседании ЦК партии большевиков немедленно послать телеграмму в Берлин с просьбой о мире, Троцкий, как и большинство тех, кто был против, полагал, что нужно подождать, пока развернется наступление, и посмотреть на реакцию немецких трудящихся. Он думал, что явная агрессия против Советской России, которая вышла из войны и объявила демобилизацию, должна вызвать революционные волнения в Германии. Однако не-

мецкий пролетариат, по словам Розы Люксембург, оставался «неподвижен, как труп».

Касаясь позиции и действий Троцкого на переговорах с Германией, Г. Киссинджер пишет: «Поначалу Троцкий воображал, что сможет воспользоваться угрозой мировой революции в качестве инструмента давления по ходу переговоров и выступать в роли своего рода доверенного лица пролетариата. К несчастью для Троцкого, германскую делегацию возглавлял не философ, а победоносный генерал. Макс Гофман, начальник штаба Восточного фронта, понимал смысл соотношения сил и предложил в январе 1918 г. условия, жесткие до невозможности. Он потребовал аннексии всей территории, примыкающей к Балтике, куска Белоруссии, подтверждения протектората де-факто над независимой Украиной и огромной контрибуции. Устав от проволочек Троцкого, Гофман, в конце концов, предъявил карту, где широкой голубой линией была обозначена граница германских требований, и дал ясно понять, что Германия не отступит за эту линию до тех пор, пока Россия не демобилизуется, – иными словами, пока она не станет беззащитной. Ультиматум Гофмана повлек за собой первые крупные дебаты среди коммунистов по вопросам внешней политики... Защищая идеологизированную по сути внешнюю политику, Троцкий выдвинул принцип “ни мира, ни войны”. Однако более слабая сторона может делать ставку на выигрыш времени только в том случае, когда ее противник полагает, что переговоры ведутся согласно их (переговоров. – В. К.) внутренней логике... Но немцы не имели в виду ничего подобного. И когда Троцкий вернулся на переговоры... (чтобы. – В. К.) объявить о проведении политики ни войны, ни мира и в одностороннем порядке провозгласить об окончании войны, немцы возобновили военные операции».

23 февраля, когда немецкие войска были с трудом остановлены молодыми частями Красной Армии около Нарвы и Пскова, стали известны новые германские условия подписания мирного договора. Они были намного более жесткими, чем на переговорах в Брест-Литовске: по сравнению с 1914 г. территория России сокращалась на 800 тыс. кв. км. Советские войска должны были уйти из Украины, Советская Россия должна была заключить мир с Украинской Радой, отказаться от претензий на Балтийские страны, отдать Турции Карс, Батуми и Ардаган, выплатить значительную репарацию, прекратить революционную пропаганду в центрально-европейских странах.

Наступление германских войск и ужесточение германских условий подписания мирного договора вызвали в высших советских партийных и правительственных кругах дискуссию по вопросу об отставках со своих постов двух ведущих фигур в руководстве большевиков – Ленина и Троцкого. Сначала Ленин в ответ на несогласие многих членов ЦК РСДРП (б) и советского правительства принять тяжелейшие условия мира, предложенные Германией, в ультимативной форме заявил на заседании ЦК 23 февраля, что если политика революционной фразы будет продолжаться, то он подаст в отставку с поста Председателя Совнаркома и выйдет из ЦК. Только после такой постановки вопроса было принято предложение Ленина о том, чтобы принять германские предложения о грабительском мире. «За» было подано 7 голосов, «против» – 4. Троцкий оказался в числе четырех воздержавшихся. Следующий вопрос, поставленный на голосование на том же заседании, был сформулирован так: «Готовить ли немедленно революционную войну?» По этому вопросу все присутствовавшие проголосовали «за».

Свое намерение уйти в отставку с занимаемого поста в правительстве после начала германского наступления Троцкий изложил в «Моей жизни» следующим образом: «Мне кажется, – сказал я в частном разговоре Ленину, – что политически было бы целесообразно, если бы я, как наркоминдел, подал в отставку. – Зачем? – [возразил Ленин. – В. К.] – Мы, надеюсь, этих парламентских приемов заводить не будем. – Но моя отставка будет для немцев означать радикальный поворот политики и усилит их доверие к нашей готовности действительно подписать на этот раз мирный договор. – Пожалуй, – сказал Ленин, размышляя. – Это серьезный политический довод».

На заседании ЦК РСДРП (б) 22 февраля 1918 г. Троцкий первый раз сделал официальное заявление, что он снимает с себя звание народного комиссара по иностранным делам. На следующий день, на заседании 23 февраля, он снова заявил о своем отказе нести персональную ответственность за иностранные дела. Наконец, на заседании ЦК 24 февраля Троцкий в очередной раз выступил с заявлением о сложении с себя полномочий наркоминдела. В опубликованных протоколах заседаний ЦК РСДРП (б) этот момент зафиксировала следующая запись: «Гов. Троцкий находит, что он может вполне уйти, так как вся фактическая работа делается помимо него, так же как и внешнее руководство. Он не отказывается практически помочь, где надо, но не хочет больше нести ответственности».

Однако другие члены ЦК не согласились с отставкой Троцкого. «Тов. Ленин указывает, что это неприемлемо», – было отмечено в протоколе заседания ЦК 24 февраля. Ленин внес предложение: «ЦК просит тов. Троцкого отложить свое заявление... до возвращения делегации из Бреста (речь шла о третьей советской делегации, поехавшей, наконец, подписать мир с Германией. – В. К.)». На это предложение Троцкий ответил, что «он слагает с себя звание комиссара, не публикуя этого, но не участвует в официальных учреждениях, т.е. в Совете Народных Комиссаров и в ЦИК».

Прибывшая в Брест-Литовск советская делегация в составе Г.Я. Сокольников (председатель), Г.В. Чичерина, Г.И. Петровского, Л.М. Карахана и А.А. Иоффе (последний в качестве консультанта) завершила 3 марта 1918 г. переговоры о мире с Германией и ее союзниками. Мирный договор был подписан 3 марта в 5 часов дня. Извещение Совнаркома о заключении договора было опубликовано за подписями Ленина и Троцкого в «Известиях» 5 марта 1918 г. При этом последний назвал себя «народный комиссар», не уточнив, по каким делам.

Казалось бы, сам факт, что его фамилия стояла рядом с фамилией Ленина, снимал вопрос об имевшихся между ними различиях в подходах к проблеме мирного договора. Но так выглядела лишь внешняя сторона. В речи на открывшемся 6 марта 1918 г. VII съезде партии, а затем и в заявлении, почему он воздержался от голосования в пользу подписания мирного договора с Германией, на заседании ЦК РСДРП (б) 23 февраля, Троцкий сказал, что не считал «решающим для судеб нашей революции то или другое отношение к этому вопросу». Фактически в позиции Троцкого по вопросу о мирном договоре отразилось одно из ключевых положений его теории «перманентной революции»: необходимость продвижения или перенесения революций в другие страны. Отсюда и то легкомыслие, с каким он отнесся к судьбам революции в России. Советской России в его стратегических планах отводилась роль своеобразного «бикфордова шнура», от которого должно было зажечься пламя европейской и мировой революции. Поэтому Троцкого интересовало не столько то, как отразится Брестский мир на положении в России и ее положении в Европе, сколько то, какое воздействие или, наоборот, не воздействие этот мирный договор окажет на развитие революций в европейских странах.

Эту позицию Троцкий весьма обстоятельно обосновал в речи на VII съезде партии. По его мнению, заключение мирного договора с

любой империалистической страной могло помешать развитию европейской революции. «Для революционного класса недопустимы сделки с империалистами – вот где центр тяжести», – говорил Троцкий. Если же советское государство было неспособно дать отпор притязаниям империалистов, то надо было бы признать, что «для революционного пролетариата советская власть является слишком тяжелой ношей, что мы явились слишком рано и должны уйти в подполье». Троцкий не считал, что такой «уход в подполье» оказался бы поражением революционного движения в Европе. Он полагал, что «победа буржуазии над нами будет ударом, но нельзя его отождествлять с тем, что было после Парижской коммуны... Теперь – совершенно другое. Европейский пролетариат более, чем мы, созрел для социализма. Если бы даже нас раздавили, то нет все же никакого сомнения, что не может создаться такого исторического провала, какой был после Парижской коммуны».

Ленин высказал резкое несогласие с этой позицией Троцкого. Касаясь возражений последнего в отношении самой возможности достижения соглашений с капиталистическими странами, Ленин подчеркнул: «Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения». И затем добавил: «...Я абсолютно не могу принять предложение Троцкого (дать гарантии, что впредь советское государство не станет подписывать мир с каким-либо капиталистическим государством. – В. К.) – так вести политику нельзя...»

Троцкий был уязвлен критикой Ленина. Несколько раз он брал слово для внесения поправок в ленинскую резолюцию «О войне и мире», однако большинство делегатов съезда не поддержали его позицию. Тогда он вынужден был повторить свой отказ от должности наркоминдела. «Партийный съезд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я, в числе других, проводил в составе нашей брест-литовской делегации, которая имела известный международный отклик... – заявил Троцкий. – Хотел этого или не хотел партийный съезд, но он это подтвердил своим последним голосованием, и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия».

Ленин никак не отреагировал на это заявление. За него это сделал Зиновьев, который постарался заверить Троцкого в том, что ЦК и партия всегда доверяли ему, несмотря на критику его позиции «ни войны, ни мира». Об этом свидетельствовали и результаты выборов

нового состава ЦК. Из 39 делегатов съезда, принявших участие в голосовании, 34 поддержали кандидатуру Троцкого. Это был такой же результат, как и у Ленина. Следовавшие за ними Свердлов и Зиновьев получили по 33 голоса.

Так закончилась карьера Троцкого как наркома по иностранным делам. Официальное сообщение об его уходе, «согласно личному ходатайству», с этого поста и одновременном назначении наркомом по военным делам было опубликовано в «Известиях» 14 марта 1918 г. (В справочнике В. Похлебкина по истории российской дипломатии, опубликованном в 1992 г., указана другая дата увольнения Троцкого – 8 апреля 1918 г.). В автобиографической повести «Моя жизнь» Троцкий прокомментировал свою отставку всего одной фразой: «Подписание Брестского мира лишило объявление о моем уходе из Наркоминдела политического смысла». Преемником Троцкого на посту наркома РСФСР по иностранным делам стал Г.В. Чичерин.

Через полгода после VII съезда, на объединенном заседании ВЦИК и рабочих организаций 3 октября 1918 г., Троцкий снова коснулся своей позиции по вопросу о Брестском мире. Он сказал: «Я считаю в этом авторитетном собрании долгом заявить, что в тот час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, нужно ли, допустимо ли подписывать Брест-Литовский мир, не отразится ли это задерживающим образом на развитии мировой пролетарской революции, только тов. Ленин, против многих из нас, с упорством и несравненной прозорливостью утверждал, что нам нужно через это пройти, чтобы дотянуть до революции мирового пролетариата. И теперь, на фоне последних событий, мы должны признать, что правы были не мы (продолжительные овации)». Таким образом, Троцкий публично признал ошибочность своей политики в отношении мирного договора с Германией и правоту Ленина. Вспоминая об этом в своей книге «Моя жизнь», он писал: «Стенограмма отмечает в этом месте “продолжительные овации”. Партия хотела этим показать, что понимает и ценит мое отношение к Ленину, чуждое какой бы то ни было мелочности или ревности. Я слишком ясно сознавал, что значил Ленин для революции, для истории и – для меня лично». Такой была революционная дипломатия первого наркома по иностранным делам.